

УДК 82:316.356.2

ПАВЛОВА Надежда Ивановна – к. филол. н., доцент, кафедра русского языка (nadija_80@mail.ru)

ГЕНДЕРНЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА ТЕКСТА В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена современным вопросам изучения литературных текстов в зарубежном гендерном литературоведении и нарратологии.

Ключевые слова: феминистская литературная критика, гендерные исследования, нарратология, язык, литература, гендер, нарратив.

Pavlova N.I., PhD, associate professor of the department of Russian Language (nadija_80@mail.ru)

GENDER METHOD OF THE TEXT'S ANALYZE IN THE WORKS OF FOREIGN SCIENTISTS

Abstract. The article is devoted to the problems of the research of texts in the foreign gender studies and narratology.

Keywords: feminist literary criticism, Gender studies, narratology, language, literature, gender, narrative.

Один из аспектов современного литературоведения связан с гендерным методом изучения художественных текстов. Заметим, что столь провокационный для отечественного академического литературоведения вопрос о статусе гендерной методологии является далеко не революционным. Проблема выработки адекватного инструментария для анализа текстов с учетом категории пол/гендер долгое время обсуждается не только в западном, но и в российском научном пространстве. Однако, сопоставляя зарубежный и отечественный взгляд на означенную проблему, по всей видимости, следует говорить о разности методологических предпочтений отечественных и зарубежных исследователей. Первые в большей степени ориентированы на использование сочетания гендерного подхода и традиционных историко-литературных методов. Теория текстового анализа, разрабатываемая западными исследователями, продвинулась далеко вперед в выработке собственно гендерных стратегий анализа текстов, но при этом испытывает явный дефицит историко-контекстуального подхода. Оставляя в стороне масштабный вопрос налаживания межнаучного диалога в данной области, обратимся к освещению некоторых фундаментальных работ западноевропейских исследователей, чьи имена занимают почетное место в непереводных

антологиях и монографиях, посвященных гендерно ориентированному литературоведению и современной нарратологии.

В качестве одного из наиболее полных изданий такого рода можно назвать работу немецких исследователей Веры и Ансгар Нюннинг «Анализ повествования и гендерные исследования» [6], обобщающую опыт немецкого, французского и англо-американского гендерного литературоведения. Авторы ставят своей целью показать плодотворность взаимодействия нарратологии и опыта гендерно ориентированного литературоведения.

Структура книги отражает этапы и принципы становления гендерных исследований в литературоведении. Ретроспективный взгляд на достижения в области Women's studies убеждает в некоторой внеположности женской писательской практики историко-литературному процессу. На стадии гиноцентризма, характеризующей становление западного феминистского дискурса в сосредоточенности на исследовании поэтики женских текстов, было показано, что к творческой практике писательниц неприменимы литературоведческие параметры осмысления литературного процесса. Одной из классических работ в этой области стал труд англо-американских исследовательниц С. Гилберт и С. Губар [4], посвященный изучению английского женского романа XIX в. В нем опровергается влиятельная теория Х. Блума, объясняющая механизмы движения литературного процесса с помощью фрейдовской модели эдиповой борьбы сына с отцом в стремлении преодолеть влияние последнего.

Феминистская критика нашла категорию для того, чтобы наиболее адекватно описать женский писательский опыт. Речь идет о «двойственности» женской писательской идентичности, когда, с одной стороны, писательницы должны были приспособливаться к андро-центрическому дискурсу, а с другой – выражать собственную индивидуальность. Обоснование «двойственности» женского авторского сознания стала важным теоретико-методологическим открытием, сдвигающий исследовательский акцент на поиски инструментария для анализа женских текстов с целью прочтения скрытого в них «письма». В этом отношении представляется значимым мнение финской исследовательницы А. Розен-хольм, которая, используя терминологию Ю. Кристевой, предлагает дифференцировать чтение «уровня символического дискурса», где женский авторский голос полностью литературно ангажирован и подчинен набору «фиксированных значений» [2, с. 183], и чтение письма, способного сделать видимым процесс порождения текста.

Феномен «двойственности» нарративных стратегий в женских текстуальных практиках нашел обоснование в программных работах по феминистской критике. По сути, это та двойственность, которая генеративно восходит к онтологической категории женской «друговости», впервые обоснованной еще более полувека назад в работах С. де Бовуар, и получившей статус институциональной категории для феминизма как социально-идеологического проекта в целом. Известная англо-американская исследовательница Э. Шоултер этой особенности женской наррации дала

наименование «double-voiced discourse», актуализируя имманентный женскому письму элемент сопротивления андроцентристски организованной литературной практике [7].

Как показывают наблюдения разных исследователей, феномен «двойного голоса» авторов-женщин существует вне жанровых и временных границ и характеризует литературные тексты писательниц разных эпох. Немецкие теоретики гендерно ориентированной нарратологии, Вера и Ансгар Нюннинг, замечают, что «эта категория настраивает восприятие на расхождение между часто пронизанными дидактикой историями, которые рассказаны в женских романах XVIII –XIX вв., и благоприятствованием для выражения истинно «женского» со стороны нарративных форм, которые повествовательно актуализируют женский опыт посредством изображения сознания в женской перспективе» [6, p. 21]. Практика показывает, что особенно наглядно действие этого феномена женского письма прослеживается в периоды подъема женского движения, когда так называемый «женский вопрос», являясь продуктом политического, социально-идеологического дискурса, был тематически допущен и в дискурс литературный. Анализ женского творчества 1860-х гг. и конца XIX – начала XX вв., когда происходила смена гендерной идеологии в пользу равноправия полов, резче демонстрирует то, как развитие темы женской эмансипации в рамках идеологически поддержанных программ наталкивалось на сопротивление женской писательской индивидуальности, порождая конфликт авторской идеен-тичности. Расхождение идеологического и психологического дискурса в женском нарративе в первую очередь свидетельствует о том, что социокультурный гендерный порядок, как и востребованные в обществе модели женственности, чужды самой женской субъективности.

Таким образом, «второй голос» писательниц, обращенный внутрь, закрытый для прочтения, как будто находится вне литературных норм и конвенций. Именно поэтому данная особенность женского письма получила методологическое обоснование в работах по феминистскому литературоведению. Англо-американская исследовательница С. Лансер, утверждая необходимость создания феминистской нарратологии, провозглашает ценность подобного подхода к анализу текста, демонстрируя, как восприятие «двойного голоса» (the double voice) в женских текстах может стать ключом для их прочтения. Лансер заключает, что «нарратологией должно быть кодифицировано большее количество критериев, различающих эти два голоса» [5, p. 349]. Аналогичную нарратологическую технику разрабатывает Р. Вархол. Опираясь на формалистскую традицию и метод дифференциации нарративных уровней, она предлагает обязательное различие так называемого «вовлеченного» (the engaging narrator) и «дистанцированного нарратора» (the distancing narrator) [8].

На примере конкретного нарративного анализа Лансер демонстрирует функциональную продуктивность этих двух категорий: «Я мыслю данное выделение публичного и приватного нарративных уровней как добавочную

категорию, особенно релевантную для изучения женских текстов. Для женских авторов, как уже давно было замечено в феминистской критике, различие между приватным и публичным контекстами является одновременно действенным и осложненным. Говоря традиционно, санкционированные действия, направленные против женского письма, приняли форму не запретов писать вообще, а запретов писать для публичной аудитории» [5, p. 352]. Этим во многом и объясняется повествовательный конфликт (расхождение поверхностного и глубинного нарратива в женских текстах), о котором идет речь в работах западных исследователей истории женской литературы. При этом Лансер интерпретирует значение поверхностного уровня нарратива не столько с точки зрения выполняемой им функции некоей оболочки, скрывающей более глубокие семиотические коды (как это предполагает техника «палимпсеста»), сколько с точки зрения интенции осуждения и отрицания, артикулированной в женском нарративе на этом внешнем уровне (surface design) нарративного акта. Лансер замечает, что «...исторически женщины-авторы чаще, чем мужчины, выбирали приватные формы повествования – письмо, дневник, мемуары, адресованные единственному индивидуальному, нежели формы, предполагающие адресацию публичному читателю; и это объясняет, почему женщины используют отличные от мужских нарративные стратегии» [5, p. 353].

Итак, можно говорить о стратегиях изучения женских текстов как о сложившихся, но преимущественно в западном исследовательском дискурсе, что оставляет открытым вопрос о возможности их апробации российскими коллегами на материале русской литературы. С этой точки зрения особенно продуктивным представляется мужкультурный научный диалог российских исследователей и их западных коллег-литературоведов.

Библиографический список

1. Павлова, Н.И. Беллетристика Е.П. Летковой как явление женской прозы конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Павлова. Тверь: ТвГУ, 2005.
2. Розенхольм, А. Пишу себя: Творчество и женщина-автор / А. Розенхольм // Современная философия. Харьков, 1996. № 1.
3. Розенхольм, А. «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвощинской // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С. 143–159.
4. Gilbert, S., Gubar, S. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination / S. Gilnert, S. Gubar. New Haven; L. 1979.
5. Lanser, Susan S. Toward a Feminist Narratology / Susan S. Lanser // Style. Vol. 20, No. 3. 1986. P. 341–363.
6. Nünning, V., Nünning, A. Erzähltextanalyse und Gender studies / V. Nünning, A. Nünning. Stuttgart-Weimar, 2004.

7. Showalter, Elaine. Feminist Criticism in the Wilderness / Elaine Showalter // *Critical Inquiry* 8. 1981. P. 179–205.
8. Warhol, Robyn R. Toward a Theory of the Engaging narrator. Earnest interventions in Gaskell, Stowe and Eliot / Robyn R. Warhol // *PMLA* 101. 1986. P. 811–818.
9. Weigel, S. Der schielende Blick. Thesen zur Geschichte weibliche Schreibpraxis / S. Weigel // *Die verborgene Frau. Sechs Beiträge aus einer feministischen Literaturwissenschaft*. 1983. Bd. 96. S. 85–137.